

Радек Карл Бернгардович

Портреты и памфлеты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл Бернгардович Р.**
Портреты и памфлеты / Радек Карл Бернгардович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 286 с.

ISBN 978-5-519-80159-1

ISBN 978-5-519-80159-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В борьбе с Врангелем принимала участие сводная бригада московских и петроградских курсантов. В ночном бою за обладание городом Ореховым часть их была взята в плен дроздовцами. Поведенные на казнь, они должны были сами рыть себе могилу. Они пели при этом Интернационал и под его звуки падали. Памяти их была посвящена речь на собрании московских курсантов 24 октября 1920 г. в здании академии Красной армии. Пусть она послужит вступлением к этой книге борьбы

REQUIEM.

Сегодня я буду говорить о вопросе, о котором мы больше, чем о каком-либо другом, должны были бы говорить, но о котором никто из нас, наверное, вслух никогда не говорит. Нам всем приходилось много раз смотреть смерти в глаза. Многие из нас были в положении, когда казалось, что только чудо может нас спасти. Но ни в эти моменты, ни позже никто из нас не задумывался о том, что такое смерть, что такое жизнь наша. Почему вы, молодежь, которая еще не жила, вы, которые еще от жизни ничего радостного не вкусили, — почему вы должны спокойно, сознательно идти на опасность, смотреть смерти в глаза и, когда этого потребуют обстоятельства, не только погибнуть, но погибнуть с глубоким убеждением, что эта смерть есть высшее подтверждение жизни, что в этой смерти выражается все, что есть лучшего в нашей жизни; что мы, можно сказать, живем лишь для того, чтобы быть достойными такой смерти. Об этом вопросе никто из нас не думает в момент опасности. Когда же опасность миует, каждый идет на свой пост, делает свою тяжелую работу, и нет у него даже времени подумать об этом, а если бы время и было, то нет уголка, где бы каждый из нас мог один, сам с собою, подумать об этом.

Сегодня, собравшись, чтобы осмыслить смерть наших героических товарищей, мы все как-будто чувствуем, что они не погибли, что они живут в нас, и что мы живем, дабы продолжать их дело. Чувствуя это, мы спрашиваем: *было ли время, когда не мы, не рабочая и крестьянская молодежь, а сыновья того самого класса, с которым мы боремся не на жизнь, а на смерть, думали так же, как и мы, — что стоит умирать за то, чтобы жило отечество, которое они создали.*

Это — не праздный вопрос, не вопрос книжный. Он помогает нам уяснить себе самый важный источник нашей силы.

Когда буржуазия творила жизнь, она не боялась смерти. Достаточно вспомнить время Французской революции. Это было такое время, когда французская молодая буржуазия взялась за

создание новой жизни, когда она разбила старый феодальный, крепостнический строй, когда она освободила мужика-крестьянина от ига помещика, который прикреплял его к земле, освободила от жизни, о которой современники говорили, что она «хуже жизни скота». Когда эта молодая буржуазия начала создавать новую Францию, — Францию человеческой свободы, — то она так высоко ценила эту жизнь, эту новую ею создаваемую жизнь, что она верила в то, что стоит погибать, лишь бы только победила революция. Если вы вспомните историю французской революционной армии, то увидите, что в ней была та же самая неурядица, что и у нас. Старый офицерский состав был против революции: молодая армия была недисциплинирована, — ей недоставало самого необходимого. Был момент, когда один из вождей Французской революции, Сэн-Жюст, приехав в армию и увидев, что она сражается голодая и необутая, приказал раздеть жителей города, чтобы одеть армию. Эта голодная, необученная, голодающая армия, без хороших полководцев, научилась сражаться за дело Французской революции не на жизнь, а на смерть. Она сумела отбросить атаки всех современных королей, которые собрались в поход против Франции, такой же поход, от которого мы отбиваемся уже в течение трех лет. Если прочитать письма и мемуары людей, которые жили в ту эпоху, то что увидим мы? Мы увидим глубокую веру этих людей в то, что та жизнь, за которую они сражаются, будет такой хорошей, что она стоит того, чтобы за нее умирать. И это чувство цены новой жизни, которую строила буржуазия, было так сильно, что когда даже пришлось погибать членам того молодого класса в гражданской войне, когда пришлось ожидать своей смерти в тюрьме, то они перед лицом этой самой смерти еще верили, что стоило жить. Прочтите оставшиеся письма Камилла Демулена: он был один из самых выдающихся молодых революционных писателей этой молодой революционной буржуазии. Как принадлежавший к правому крылу революции, к ее, так сказать, меньшевикам, он попал в тюрьму, — а бросили его в тюрьму представители более радикального крыла, его собственный друг Робеспьер. Камилл Демулен в этой тюрьме не понимал смысла борьбы правого крыла буржуазной демократии с левым крылом. Ему казалось, что он погибает по недоразумению, случайно. Он пишет в письме к своей жене, что он «смотрит через решетку тюрьмы и видит ее и любимого своего ребенка, и все в нем внутренне потряслось». Но даже в этот момент, — в момент, когда этот представитель молодой революционной буржуазии погибает с убеждением, что он гибнет несправедливо, он все-таки так высоко ценит общее дело революции, что перед лицом своего ребенка, которого оставляет, которого страстно любит, перед лицом всей молодой жизни, которая должна быть прекращена, ни на один миг не поднимает руки, чтобы проклясть ре-

волюцию, которая привела его молодую голову к эшафоту, на котором ему через несколько часов придется умереть. Или читайте письма сознательных солдат, сынов буржуазии, или крестьян. Они все полны глубокой верой в новую жизнь, которую надо защищать грудью. Буржуазия верила, что она создаст общество, в котором всем людям будет лучше жить. И именно потому, что она так высоко ценила свою новую жизнь, она бесстрашно смотрела смерти в глаза.

Если вы прочтаете философскую или экономическую литературу этой молодой буржуазии, то даже в самых ее жестоких проявлениях вы увидите эту неслыханно-глубокую веру в жизнь. Или возьмите буржуазного философа и экономиста тех времен — Мальтуса. Он говорил, что те люди, которые гибнут в экономической борьбе от голода, от холода, это — самые малостоящие, неспособные к жизни люди. Пусть они умрут: те, которые останутся, будут самые даровитые люди, и они создадут самую прекрасную жизнь. Это возмутило против Мальтуса всех социалистов. Они обрушились на него брошюрами и книгами, и наш великий учитель Маркс называл его «подлым попом», который защищает капиталистический мир, ведущий людей к смерти. Но столь жестокую философию Мальтус смог открыто проповедывать только потому, что буржуазия настолько верила в свою великую историческую миссию, что не боялась открыто указывать на путь страданий, через который капитализм ведет человечество к счастью; что стоит жить для этого строя, стоит за него умирать. Эту веру вы найдете во всех национальных войнах буржуазии XIX века, которые были войнами за создание условий развития капитализма. Эта вера двигала ту тысячу молодых итальянцев, которые под руководством Гарибальди бросились в бой за освобождение Италии. Тысяча человек поднялась с оружием в руках, чтобы освободить свое отечество, шли на смерть с глубокой верой, что смерть их даст счастье миллионам. С такой же верой погибали в войнах за объединение Германии молодые сыны германской буржуазии. Буржуазия двигала вперед дело общественного развития, она верила в свою будущность, верила в то, что она создает общество счастливых людей, и потому она ценила так высоко свою жизнь, что знала, что стоит за эту жизнь умирать.

Если вспомнить конец XIX века, то такого настроения, такой веры вы уже не найдете в буржуазной литературе. В военных школах учили курсантов буржуазных армий, что нет ничего выше, чем идеал отечества, что стоит за это отечество умирать. Но всякий из этих сыновей буржуазии, если он осматривался вокруг себя, если он был мало-мальски честным человеком, видел, что за жизнь, которую создала буржуазия, за эту жизнь погибать не стоит. Что же он видел вокруг себя? Где было равенство, о котором говорила буржуазия? Он видел, как ма-

ленькая кучка людей держит в своих руках источники всего, что дает человеку возможность развернуться и жить. Маленькая кучка людей держала в своих руках всю промышленность, все земледелие. Она управляла государством, она жила великолепно: она могла воспитываться, учиться, наслаждаться всем, а широкие массы народа заведомо держались в темноте, в положении рабов. И если сыновья буржуазии хотели бы не видеть всего этого, то жизнь кричала им об этом. Они видели грандиозные забастовки рабочих, видели, как буржуазия принуждена выдумывать против рабочих особые законы, как она преследует рабочую печать, и всякий думающий сын буржуазии, когда спрашивал себя, что такое это отечество, получал ответ в словах Густава Эрвэ, тогдашнего бунтовщика, а теперешнего лакея французской буржуазии: «Это есть *отечество богатых*, и кто погибает за это отечество, тот погибает для того, чтобы и в будущем маленькая кучка богатых эксплуатировала десятки миллионов бедных; чтобы трудящийся народ был рабочим скотом, чтобы он никогда не мог разогнуть своей спины». И не было ничего удивительного, что более чуткие люди из этой буржуазии начали относиться насмешливо к идее отечества, к идее героической смерти за отечество. Лет 15 — 16 назад один из самых талантливых английских писателей, Бернард Шоу, сочинил комедию под заглавием «Герой», которую ставили и в России. Она описывает болгарско-сербскую войну. Швейцарский специалист-офицер, который из любви к военному искусству принимает участие в этой войне, высмеивает военное геройство. «Что вы рассказываете о военном геройстве, — говорит он, — часть людей умирает потому, что их принуждают, умирают, или проклиная войну, или как скот, ничего не говоря, и это славные герои... Посмотрите на колени этих героев-кавалеристов: у них все колени изранены, ибо, когда лошадь несется в бой, они, боясь смерти, удерживают лошадь всеми силами».

Эта комедия, высмеивающая идею геройства, доказывавшая, что не стоит умирать за отечество, обогнала весь мир, и все смеялись. «Какой остроумный человек; нет отечества, не стоит умирать». Конец XIX века, это — сумерки буржуазных богов; их литература, их философия отражает, что буржуазия извернулась в свою историческую миссию, что самые лучшие из ее сынов начали понимать, что жизнь, творимая буржуазным классом, пустая, бессодержательная, нечеловеческая жизнь. Слова об отечестве, о героической смерти на поле брани звучали как насмешка. Но буржуазная идея геройства должна была еще раз разгореться бурным пламенем, чтобы навеки погибнуть.

Усилившись экономическим подъемом последних лет XIX века, буржуазия бросилась захватывать громадный азиатский и африканский континент. Перед ней встали новые задачи: сетью железных дорог, пароходных сообщений соединить мир, подчинить

себе последние уголки земного шара. А сколько романтики крылось для сынов буржуазии за морями и реками, куда надо было пропикнуть с оружием в руках. Имперализм, — политика захвата мира для капиталистов, — сделался для капиталистического общества новой возвышенной верой. Буржуазная молодежь, служа корыстным интересам кучки синдикатчиков, воображала, что она идет в бой для завоевания мира для культуры, что она расширит горизонты человечества. Писатели, философы, поэты расширяют старую идею отечества; они проповедуют героический подвиг во имя углубления влияния их «национальной культуры» на новые страны. Мировая война доказала, какие широкие круги охватило это пламя. На войну шли с одушевлением не только сыновья буржуазии. Во всей Европе поднялись на зов буржуазии и народные массы, которым буржуазия обещала, что победа сделает их свободными, счастливыми гражданами.

Миллионами лежали солдаты в окопах; в вихре ураганного огня, терзаемые голодом, холодом и болезнями, они имели достаточно времени, чтобы задуматься над целями войны: представители всех буржуазных отечеств, ругаясь с трибуны парламентов, разглашали правду о целях войны... Если английский министр разоблачал Германию за то, что она воюет, чтобы у нее не было отнято право эксплуатировать Турцию, Балканы, то английский солдат говорил себе: да, это правда, но ведь английское правительство не для того воюет, чтобы освободить турок, а для того, чтобы именно вырвать их из рук германских капиталистов и отдать в руки английских. Солдаты видели, как война усиливает везде власть самых реакционных, самых грабительских элементов; они видели, как во всех странах, воюющих якобы во имя свободы, уничтожается свобода; как во всех странах, воюющих якобы во имя блага народа, народные массы брошены на ограбление кучке спекулянтов, набивающих карманы в то время, как семьи солдат терпят крайнюю нужду. За идеей «защита отечества» показалось жадное лицо ростовщика; отечество оказалось отечеством богатых.

Война кончилась перед тем, как растущее во всех странах разочарование солдат привело их к восстанию. А когда солдаты вернулись домой, — что увидели они? Для них не было квартир, ибо четыре года никто не строил новых домов, но спекулянты жили в прекрасных квартирах по 8—10 комнат; для солдат не было работы, когда они вернулись домой, ибо спекулянты закрыли фабрики, когда им стало невыгодно их держать; когда же рабочие находили работу, они видели, как поднимаются цены на все предметы первой необходимости, а заработная плата не успевает подниматься. Им приходилось выносить голод в то время, когда те, которые нажились на войне, были господами положения, прекрасно жили. И когда рабочие всех стран начали добиваться своего, то они увидели, что капиталистические государ-

ства, которые звали их под знамя борьбы во имя всеобщего блага, имеют для них, для раненых и искалеченных солдат, только свинец, и больше ничего. Иппалпды, со знаками отличия, безрукие, шли на демонстрации, а им заграждали дорогу полицейские, нанятые буржуазией для того, чтобы сказать этим рабочим: «Вы были дураками, когда поверили, что существует буржуазное отечество».

Свобода, которую обещала буржуазия народным массам, это — свобода ростовщиков и спекулянтов эксплуатировать их. *Равенство*, которое обещала буржуазия, это — равенство перед лицом жадного капитализма, которое говорит: вы должны беспрекословно подчиниться мне, властителю вашей жизни. Мир, который война должна была дать всем, это — грабеж побежденных, это — боязнь, что они восстанут, это — открытое вооружение победителей против побежденных, это — подготовка новых войн между «союзными» победителями, это — война против первого пролетарского государства. Рухнули все надежды народных масс на то, что капитализм сможет создать их отечество.

Кумиры буржуазного мира умирают. Вместо веры в империализм, т.-е. веры в то, что капитализм может создать человечеству условия нормального развития, народные массы с каждым днем все более охватываются верой в коммунизм, т.-е. в собственные силы, в способность собственными руками соединенных труженников воссоздать мир из руин.

Буржуазное отечество гибнет.

Когда в 1917 г. русские крестьяне и рабочие первые восстали против империалистической бойни, они прямо покинули массами фронт. Они отказались от защиты гнилого царского отечества. И это отечество скоро перестало существовать. Рабочие и крестьяне, взяв власть в свои руки, создали свое, рабоче-крестьянское отечество: земля, которую пахали много веков русские крестьяне, очутилась в их руках; фабрики, шахты и рудники, созданные трудами рабочего класса, перешли в его руки. Но народная масса еще не ощущала реально этой перемены, — для нее отечество было еще пустым звуком, и она оставила его беззащитным перед лицом грозного врага. Пока нам удалось создать первые отряды Красной армии, мы призывали рабочих и крестьян к оружию, указывая им, что если они не откликнутся на наш зов, то русская буржуазия водворит при помощи международного капитала снова свою власть, помещики отнимут землю у крестьян, и трудовые массы России сделаются снова «серой скотиной», которую капиталисты будут гнать на войны за дело богатеев, сколько раз им это понравится. Многие указывали народным массам России, что наш призыв к защите отечества является сплошным обманом, что в Советской России и сейчас не существует отечества трудящихся, ибо разве у нас уже восторжествовало равенство, разве у нас нет больше нищеты, нет больше нужды?

Но, несмотря на то, что у нас нет еще равенства и что мы живем в неслыханной нужде, крестьянин знает, что в его руках земля и что он ее теряет, если победят белые. Рабочий, который наиболее страдал от нужды, поднимался во всякий момент на защиту Советской России; он посылал десятки и сотни тысяч своих лучших сынов на все фронты, преодолевая усталость, не прислушиваясь к голосам людей, которые обещали ему хлеб за сдачу рабочей власти. Почему? Тут-то мы и подходим к главному вопросу о смысле нашей жизни.

Весь мир в крови, весь мир в развалинах, миллионы людей гибнут от голода не только в России: голод терзает теперь рабочего даже в житнице мира — в Аргентине, которая не видела войны. Два года миновало со времени великой империалистической войны; день за днем усиливается экономическая разруха. Капиталистический класс, который вступил в империалистическую войну, дабы ввести свой капиталистический порядок в Азии и Африке, разрушил этот самый «порядок» в Европе, которая теперь корчится в муках полной анархии. Уничтожена сеть товарного обращения, которая снабжала деревню изделиями города, а город — продуктами земледелия. Разрушена кредитно-денежная система, которая облегчала этот процесс. Падает земледелие, падает производство и в деревне и в городе. Даже нищенская жизнь, которую вел когда-то рабочий под господством капитализма, — даже эта жизнь кажется теперь потерянным раем. Буржуазия доказала, что она больше не в состоянии устроить мир — даже на буржуазных началах. Человечество стоит перед гибелью, если рабочий класс не возьмется за дело, если он не возьмется за построение жизни на новых, коммунистических основах. Хозяйственную разруху невозможно иначе преодолеть, как собрав все хозяйственные силы страны в один «крепкий кулак». Нужно планомерное распределение производительных сил мира, — распределение угля, железа, хлопка, машин, рабочей силы, — нужно устранение всякой попытки хищников кормиться за счет обнищавших народных масс. Это все может сделать только тот класс, который наиболее заинтересован в уничтожении разрухи, ибо он от нее больше всего страдает.

Диктатура пролетариата, — это господство трудящихся над всеми нужными для воссоздания человеческой жизни средствами. Только совместный труд, только планомерная его организация, т.-е. коммунизм, выведет человечество из нищеты, к которой привел его капитализм. Это понимают сознательные рабочие, это чувствуют несознательные рабочие в момент, когда решается участь Советской России. И это чувство, что мы, и только мы, являемся творцами новой жизни, что мы, и только мы, нашли выход для человечества, — это дает нам неисчерпаемую силу, которую проявляет Советская Россия три года подряд. Это дает силу растущей коммунистической волне во всем мире.

Только рабочие могут спасти мир, стоящий над краем пропасти. Рабочие России знают великолепно, что одна Россия не в состоянии победить весь капиталистический мир; они знают, что если бы капиталисты на Западе сумели справиться с экономической разрухой, взять в свои руки руль и вывести корабль человечества в широкое море, то они сумели бы задавить Советскую Россию. Но мы знаем, что они не могут справиться с развалом и разрухой; мы знаем, что ежедневно растет волна рабочего гнева, угрожающая их твердыням, и мы чувствуем, мы слышим, как приближаются отряды западно-европейских рабочих, дабы соединиться с нами для совместного дела освобождения. И во всякий момент, когда Советская Россия находится в опасности, когда кажется, что вот-вот захлестнет нас вражеская волна, мы собираем все силы, дабы отстоять рабочую власть в России. Мы держим в окровавленных руках наше красное знамя, ибо мы знаем, что с ним связана не только участь русских рабочих, но и участь всего человечества. Ибо не только нам нужна помощь рабочих всего мира. Рабочие промышленных стран нуждаются в том, чтобы советская власть в России была сохранена и укреплена до момента их победы. Ни рабочие Германии, ни рабочие Англии не в состоянии в случае революции в их странах прокормить средствами этих стран народные массы. Нам нужны их машины,—им нужно наше сырье. Сильная Советская Россия, которая отбросила своих врагов, которая вернулась к мирному труду, которая подняла свое земледелие, это — половина победы международного пролетариата. Красная звезда, которую вы носите на своей груди, это — звезда, которая должна вывести все человечество из рабства, неволи, нищеты, хотя бы нам пришлось идти через море и своей и чужой крови.

Мы только-что начали закладывать фундамент под новый мир. Дело наше — впереди. Три года нашей борьбы, это — только начало, прелюдия великой мировой революции пролетариата, по каждый шаг, который мы делаем, освящен великими целями, к которым мы стремимся. Крестьяне взяли землю. К этому крестьянину мы приходим и пытаемся сделать из него не только жителя его маленькой деревни, а пытаемся привести его к сознанию, что он гражданин страны в 150 миллионов людей, что перед ним стоят громадные задачи, что он — часть мировой революции. У нас нет буржуазии, нет класса, который нас угнетает. Если мы еще нищи, если мы еще бедны, если у нас еще недостаток во всем, то нет такого класса, который нас эксплуатирует. Ту долю работы, которую мы выполняем, мы выполняем для себя. Можно говорить о России что угодно, но нет барина, нет помещика, и рабочие и крестьяне работают только для себя. И если мы не сумели устранить неравенство, если мы еще припуждены создавать лучшие условия жизни для специалистов армии или для специалистов на фабрике, для инженеров, то что

это значит? Разве это означает, что мы хотим закрепить неравенство? Это означает, что, пока наши дети не окончат технических, военных школ, пока мы не научимся управлять фабриками и армией, мы должны содержать чужих нам людей, чтобы от них научиться всему необходимому, и то неравенство которое существует, есть только путь к равенству, — путь к тому, чтобы мы сами научились умело строить нашу жизнь, чтобы мы могли всем давать в будущем то, что им нужно, а от всех брать то, к чему они способны.

Чем была сильна буржуазия, что было источником ее верховенства, когда она была молода? Она устранила положение, при котором крестьяне были рабами; она устранила то положение, что ремесленники были привязаны к своему ремеслу, как каторжане; она чувствовала, что она раскрепостила человечество, но она создала новое неравенство между теми, кто имел фабрики и землю, и между теми, кто их не имел. Мы же это неравенство уничтожили в корне. Нет больше класса, который является единственным хозяином средств производства, по отношению к которому другие — рабы. Мы создали положение, что средства производства принадлежат обществу, и мы находимся на пути к созданию общества.

Что такое общество, каков идеал общества у нас? Когда мы призываем вас к борьбе с белогвардейцами, когда мы вам говорим: будьте в борьбе с помещиками и буржуазией безжалостны, будьте в этой борьбе людьми как бы из железа вылитыми, не знайте в этой борьбе никакой слабости, — никто из вас не думает, что мы хотим увековечить борьбу человека с человеком. Всякий из вас великолепно понимает, что мы хотим вести эту борьбу без колебаний и без жалости для того, чтобы разбить последнее противодействие класса эксплуататоров, чтобы в будущем не было ни рабочих, ни буржуазии, а были бы только равные люди, равные члены общества, с равными правами и равными обязанностями. Мы уже не рассматриваем буржуазных детей, как детей буржуазного класса: мы кормим их так же, как детей рабочих, чем только можем, потому что мы хотим воспитать их так, чтобы они забыли, что были когда-то детьми буржуазии, что были вообще буржуазия и рабочий класс, что эти два класса сражались не на жизнь, а на смерть. Мы хотим создать общество равных людей, с равными правами и обязанностями. Если мы отказываем буржуазии в выборных правах в наш совет, то почему мы делаем это? Разве мы, как буржуазия, хотим создать класс, который господствует, и класс, который угнетает? Нет. Это неравенство для чего нужно? Так как представители буржуазии воспользовались своими политическими правами, чтобы задержать нашу борьбу, целью которой является уничтожить всякую эксплуатацию, — мы должны допустить на время политическое неравенство, чтобы устранить основы всякого неравенства. Но

одновременно мы говорим: всякому, кто пойдет на фабрику, всякому, кто будет пахать землю, всякому, кто будет тружеником, мы можем дать те права, которыми мы пользуемся, и всякий, кто отречется от преимуществ буржуазии, от ее вожделений, всякий, кто захочет быть тружеником, равен с нами. Мы в первый раз в жизни пытаемся создать не на словах, а на деле общество равных людей, и это есть самый глубокий смысл того, за что мы боремся.

Мне пришлось читать на-днях в одном издаваемом в Париже белогвардейском журнале «Грядущая Россия» статью одного белогвардейского полковника под заглавием: «Платон Каратаев». Многие из вас, кто знает «Войну и Мир» Л. Толстого, помнят, кто такой Платон Каратаев. Это — смиренный, тихий русский солдат, человек который выносит все тяжелое, все злое, выносит без всякого протеста, который во всяком тяжелом положении найдет еще много человеческой доброты в себе. И белогвардейский офицер говорит: что такое Красная армия? Это — тот же самый Платон Каратаев, который когда-то, под руководством Суворова, шел в Италию через Альпы, боролся на всех полях сражения Европы. Он не знал, за что борется, но ему приказывали, и он боролся. Так дело и осталось. И Красная армия, это — Платон Каратаев. Миллионы мужиков сбежались со всех концов России: им приказывают погибать, и они погибают. В том же романе Л. Толстого вы найдете характеристику русского главнокомандующего из времен Отечественной войны 1812 г. — Кутузова, и увидите там очень интересное сходство черт между солдатом Платоном Каратаевым и главнокомандующим Кутузовым. Как разбивает Кутузов Наполеона? Он не бросается в бой. Он ждет, пока войска Наполеона войдут так глубоко в Россию, что погибнут в спеху от недостатка продовольствия, погибнут в русском болоте, потопут в Березине. И заграничные писатели, когда говорят о России, говорят так: большевики сильны тем, что Россия, это — страна Платонов Каратаевых, беспомощных крестьян, которым можно приказывать, и они все делают, что она страна Кутузовых, не сопротивляющихся врагу, а ждущая его гибели.

Не наша задача защищать русскую буржуазию от упрека в инертности, безволие. Не подлежит сомнению, что этот прогнивший до глубины своей души класс, — класс, защищающий рабство, который сам не верит в правоту своего дела, — может наносить нам еще удары только потому, что его поддерживает мировая буржуазия, в бешенстве и отчаянии защищающаяся от неминуемой гибели. Но русский крестьянин и русский рабочий — не Платоны Каратаевы; они доказали русским помещикам и русским буржуа, что они представляют собою новую в огне страданий крещеную Россию, — Россию, полную воли добиться своей цели. Если они — Платоны Каратаевы, то почему не